

отмечают многие учёные, противоречит как закреплённому в ст. 3 УК РФ принципу законности, так и положениям ст. 8 УК РФ, согласно которым основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не состояние личности и её социальный статус.

Полагаем, что опасное состояние личности не может выступать основанием уголовной ответственности, криминализировать его нельзя. Однако отказаться же вообще от использования этой категории в действующем законе, на наш взгляд, не представляется возможным, да и вряд ли это целесообразно. В ряде случаев опасное состояние личности может рассматриваться как основание для применения иных мер контроля или безопасности, что не противоречит закреплённым в уголовном законе принципам законности и вины.

Законодательным отражением подобного применения теории опасного состояния в современном уголовном праве можно назвать рассмотрение опасного состояния личности психически больного лица как основания применения принудительных мер медицинского характера.

Из анализа положений ст. 97 УК РФ и правовой природы принудительных мер медицинского характера следует, что основанием применения рассматриваемых мер выступает общественная опасность (опасное состояние) личности психически больного лица, состоящая как в возможности совершения им нового

деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, так и в опасности для себя.

Опасное состояние личности психически больного лица – это определенная предрасположенность (склонность) в силу особенностей течения и проявления психического расстройства лица к совершению им повторных общественно опасных деяний, в результате чего такое лицо представляет угрозу для общества и его основных ценностей. Характерным показателем опасного состояния личности психически больного лица является отсутствие у такого лица критического отношения к своему болезненному состоянию, а также к совершенному общественно опасному деянию.

Иной подход (то есть признание в качестве основания применения принудительных мер медицинского характера факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ) приводит к выводу о том, что принудительное лечение является возмездием за совершенное деяние, что прямо противоречит его правовой природе¹.

Подводя итог изложенному, отметим, что с позиций действующего уголовного закона опасное состояние личности психически больного лица может выступать в качестве основания применения иных мер, предусмотренных уголовным законом, не относящихся к формам реализации уголовной ответственности, а именно в качестве основания применения принудительных мер медицинского характера.

Иванов А.Г.,

DOI 10.51980/2021_2_150

кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

Природа субъективной ошибки и вина в уголовно-правовых отношениях

Уголовно-правовая доктрина стоит на позиции психологической теории вины. Законодатель, разделяя указанные

каноны, установил основополагающим принципом уголовного права принцип вины, который говорит, что лицо подле-

¹ Подр.: Васеловская А.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 18-29.

жит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. При детальном подходе к указанному принципу несложно заметить требование об обязательном наличии у лица психологического отношения к общественно опасным действиям и наступившим общественно опасным последствиям совершенного действия. Именно это психологическое отношение и раскрывается в формах вины, где указано, что лицо должно осознавать общественную опасность своих действий, предвидеть наступление общественно опасных последствий, желать их наступления, относиться к ним безразлично либо самонадеянно рассчитывать на их ненаступление.

Далеко не всегда в судебно-следственной практике по преступлениям, особенно против личности, правильно указывается, а уж тем более устанавливается психологическое отношение лица к совершенному деянию. Как правило, в обвинительных документах данная сторона преступления отражается как осознание самого действия (осознавал, что совершает убийство; осознавал, что наносит тяжкий вред здоровью и т.д.)¹. Но в таком контексте речь идет только лишь об осознании самого действия, которое любой психически здоровый человек осознает.

Нюанс в данной ситуации в следующем: виновный должен осознавать опасность для общества своих действий либо их противоправность, что более применимо в структуре вины, но это отдельная тема для дискуссии. Должен он осознавать и общественную опасность последствий своих действий. Хочется подчеркнуть, что не сами последствия в виде наступления смерти, ухудшения здоровья, и т.д., а именно общественную опасность этих последствий. Для полного понимания доносимой мысли уместно привести пример: киллер по «заказу» с

помощью винтовки с оптическим прицелом причиняет смерть лицу, и снайпер с помощью винтовки с оптическим прицелом причиняет смерть террористу, захватившему заложников. И в том, и в другом случае последствия – это смерть лица. И в том, и в другом случае лица, производящие выстрел, осознают наступление последствий в виде смерти. Но в первом случае киллер осознает, что его действия противоправны, а в другом случае снайпер не осознает, что его действия противоправны, потому как они с правовой позиции правомерны.

Не случайно столь детально был сделан акцент на психологическом отношении к общественной опасности наступивших последствий. Хотя в целях точного правоприменения целесообразнее было бы законодательно закрепить психическое отношение к вредности последствий совершенного действия (бездействия), но опять же – это отдельная тема для разговора, затрагивающего правовую сущность понятия «общественная опасность».

Но если не учитывать психологическое отношение именно к общественной опасности совершаемого действия (бездействия) и последствий, что нередко происходит в уголовном судопроизводстве, то мы имеем не что иное, как объективное вменение, которое согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, не допускается.

Приведенные обстоятельства показывают, что именно в указанном виде необходимо представлять психологический компонент или устанавливать вину в преступлении. Однако есть еще весьма не простые сложности, которые выражаются в присутствии в рамках вины субъективной ошибки. Это случаи, когда лицо не знает о существовании уголовно-правового запрета, или не оценивает свои действия как преступные, либо заблуждается относительно фактических обстоятельств, входящих в структуру преступления.

Так, в условиях соблюдения обычая при проведении празднования свадьбы

¹ Приговор Забайкальского городского суда от 30.07.2019 № 2-12/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hybqENi4aEJc/>; приговор Илишевского районного суда (республика Башкортостан) от 27.06.2019 № 1-1/2019 1-87/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eFz4TGJ75TQQ/>; приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 27.06.2019 № 1-311/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n5vpXrci4olX/>.

вряд ли кто осознает или задумывается, что похищение невесты подпадает под признаки ст. 126 УК РФ, и что при определенных обстоятельствах за данные деяния вполне может наступить уголовная ответственность. Либо при получении сведений, причем не из одного источника, о беременности женщины, фактически не находящейся в указанном состоянии, и последующем ее убийстве вряд ли можно упрекнуть лицо в том, что оно должно было предвидеть, что женщина не беременна. Именно при таких обстоятельствах установление психологического компонента, безусловно, осложняется.

Не случайно в начале статьи было акцентировано внимание на психологическом отношении лица именно к общественной опасности выполняемых действий и к общественной опасности наступивших последствий. В приведенных примерах сложно однозначно говорить, что лицо понимало или допускало наличие общественной опасности или противоправности при похищении невесты как свадебной традиции. В условиях убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, но фактически не находящейся в этом состоянии, как можно привлекать по квалифицирующему признаку, если сознание лица, независимо по каким причинам, вышло за рамки реалий действительности.

В этой связи весьма интересной представляется классификация юридической ошибки, предложенная Д.А. Дорогиным. Он выделил четыре разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность: ошибка, вызванная дефектом правотворчества и относящаяся к незнанию самого факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка, обусловленная дефектом правотворчества и характеризующая незнанием содержания уголовно-правового запрета; ошибка, вызванная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и относящаяся к незнанию самого факта наличия уголовно-правового запрета; ошибка,

обусловленная дефектом восприятия лицом установленных нормативных требований и характеризующая незнанием содержания уголовно-правового запрета¹.

Безусловно, при дефекте правотворчества условно данный фактор можно отнести к объективным причинам, разум человека не способен воспринять истинную сущность закона или его отдельных положений. Но при дефекте восприятия, который относится к субъективной составляющей, как представляется, не все так просто. При более глубоком осмыслении дефекта восприятия можно увидеть, что его рамками охватывается не только объективный дефект, т.е. дефект, который не зависит от воли индивида, но и субъективный дефект, который возникает исключительно по воле лица (нежелание уточнять поступившие сведения, апеллирование к сведениям, полученным не из достоверных источников, и т. д.).

При таких обстоятельствах дефект восприятия играет немаловажную роль в формировании фактической ошибки, которая, как и юридическая, влияет на установление вины и при определенных обстоятельствах должна исключать ее.

Именно в данном аспекте, как представляется, необходимо обратить внимание на механизм формирования каждой из ошибок. В случае если она была сформирована под воздействием объективного критерия, о котором было сказано выше, то необходимо признать, что данная ошибка должна исключать вину. Но в случае формирования ее под влиянием субъективных факторов (восприятие, осмысление и т.д.) здесь необходимо выяснять наличие у лица возможности получить достоверные знания. В случае, когда такая возможность имелась, но лицо по каким-либо причинам ее игнорировало, характер ошибки необходимо признать недобросовестным, и в качестве основания исключения уголовной ответственности данный факт использовать нельзя.

В другом случае, если возможность уточнить или проверить поступающие

¹ Дорогин Д.А. Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // Lex Russica. 2019. № 8 (153). С. 83.

сведения реально отсутствовала, ошибку необходимо признать добросовестной и рассматривать вопрос об исключении ответственности за преступление в целом либо за отдельный квалифицирующий признак.

В представленной ситуации немало важную роль играют заблуждение и неведение, которые выступают предпосылками ошибки. И именно предложенные Д.А. Дорогиным дефект правотворчества и дефект восприятия в первую очередь оказывают влияние на формирование заблуждения или неведения. Но исследование этого механизма весьма объемно по

содержанию и не вписывается в рамки представленной статьи, поэтому будет представлено в иных публикациях.

В итоге хочется подчеркнуть, что каким бы сложным ни представлялся процесс установления вины, а особенно в условиях субъективной ошибки, необходимо детально устанавливать психологический компонент и психическое отношение лица к общественной опасности совершенных действий (бездействий) и общественной опасности наступивших последствий. По крайней мере, этого требует закон.

Баранчикова М.В.,

DOI 10.51980/2021_2_153

кандидат юридических наук, доцент
Орловский юридический институт МВД России

Влияние ситуации совершения неосторожных преступлений на квалификацию действий виновного вследствие ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей

Последние годы характеризовались ростом числа неосторожных преступлений, совершаемых лицами, ненадлежаще исполняющими свои профессиональные обязанности. Профессиональная неосторожность в современных условиях не только приобретает распространенность, но и отличается ухудшением качественных характеристик, повышением опасности лиц, допускающих нарушения специальных правил в сферах обращения с источниками повышенной опасности.

Среди различных видов неосторожных преступлений интерес для теории и практики представляют неосторожные преступления, совершаемые ситуационно, в силу обстановки, внезапно изменившейся в неблагоприятную для преступника сторону.

Ситуационность может быть связана с неожиданным появлением людей в пределах действия источника повышенной опасности или их вмешательством в его работу, неосмотрительностью, несоблюдением правил предосторожности самим

потерпевшим. Она может быть обусловлена спецификой места совершения преступления, которое меняет режим обеспечения безопасности, его регламентацию в нормативных правовых актах. Ее могут обуславливать устаревание, неисправность оборудования, некачественность препаратов, необоснованный или дефектный механизм их применения.

Действующий российский уголовный закон не содержит понятия «профессиональные обязанности», определения их ненадлежащего исполнения субъектом преступления. В докторской диссертации Т.В. Непомнящая предлагала ввести в норму Общей части УК РФ понятие «профессионально действующее лицо», разрабатывала его специальные признаки¹. Однако это предложение не было воспринято законодателем, что и сегодня обуславливает необходимость его толкования в науке уголовного права.

Ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей является квалифицирующим признаком

¹ Непомнящая Т.В. Уголовная ответственность за профессиональную неосторожность : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 1995. С. 13.